

А Ци быстро шагал, и на его лице невольно блуждала мягкая, сладостная улыбка. При мысли о том, кто ждет его дома, все вокруг казалось прекрасным.

Тропинка, усыпанная щебнем, не могла скрыть темную, плодородную почву под ногами. По сторонам виднелись поля, похожие на неровные, разбросанные по шахматной доске кусочки зеленого нефрита, убегающие куда-то вдаль. На рисовых чеках трудились люди; даже под палящим светом Тайян, высоко висящим в Тянькун, их лица озаряли довольные улыбки.

Чуть поодаль, гармонично вписавшись в зелень полей, приютилось несколько соломенных хижин, привнося в пейзаж нотку деревенского уюта.

А Ци безмолвно впитывал этот привычный вид, и на его холодном, подобном нефриту лице улыбка становилась всё естественнее. На нем были грубые холщовые одежды и немного поношенные матерчатые туфли, на плече он нес испачканную в земле мотыгу. Казалось бы, самый обычный крестьянский наряд, но тонкая ткань облегалась стройное, сильное тело с четкими линиями мышц, а статная фигура была настолько хороша, что проходящие мимо девушки и молодые женщины невольно покраснели.

— Эй, А Ци, если ты будешь так улыбаться, боюсь, наш порог скоро совсем стопчут!

Кто-то из прохожих, случайно обернувшись и заметив эту улыбку, решил подшутить по-доброму.

— Ха-ха, точно! Посмотри на девиц позади, они ведь глаз с тебя не сводят!

— Да куда там, парню еще младшего брата растить нужно. Такой хороший парень, а всё засиделся...

— И правда, славный малый, жаль, очень жаль...

В отличие от первой шутки, в последних словах слышались лишь вздохи и сожаление.

А Ци замедлил шаг. Улыбка не сходила с его губ, а ледяной блеск в глазах под лучами золотого солнца будто бы согрелся, наполнившись теплом.

Вздохи за спиной ничуть не испортили ему настроения, напротив, в душе разлилось странное чувство удовлетворения: одна лишь мысль о том, что этот человек зависит только от него, приносила ему огромную радость.

— Хи-хи, догоняй меня, ну же, догоняй!

— Эр Хуцзы, не убегай!

— Не играй в одиночку, я тоже хочу!

— Сначала догони, тогда дам!

Смех и крики ребятни наполняли воздух, и в их детском мире не было ни тени тревоги.

— Ой!

Раздался вскрик. Ребенок, бежавший впереди, не заметил под ногой круглый камень размером с ладонь, не удержал равновесие и с глухим звуком рухнул в грязь. Яркая игрушка, которую он держал в руках, подхваченная ветром, медленно спланировала и опустилась прямо перед черными туфлями А Ци.

Это был большой пестрый бумажный змей в форме бабочки. Смелые цвета, яркая композиция, знакомый каркас из тонкого бамбука, который теперь нелепо торчал из земли. Змей выглядел таким знакомым, таким до боли знакомым, а две развевающиеся на ветру ленточки коснулись его обуви, словно насмехаясь над ним.

— Это же брат А Ци!

— Брат А Ци, я... я...

Мальчик по имени Эр Хуцзы испуганно замер перед мужчиной. Глядя на большого, красивого бумажного змея, он явно не знал, что делать. Остальные дети, прибежавшие следом, тоже замялись, боясь подойти ближе.

— Откуда этот змей?

Холодный голос, словно доносившийся из самой бездны, заставил детей дрожать, будто в разгар летнего зноя их внезапно окунуло в ледяную прорубь.

В глубине темных глаз А Ци на мгновение промелькнуло что-то зловещее. В тот момент, когда Эр Хуцзы встретился с ним взглядом, он почувствовал себя добычей, на которую охотится демон из ада, и вся его смелость вмиг испарилась.

— Я...

— Я...

Эр Хуцзы дрожал всем телом, не в силах вымолвить ни слова. Его лицо побелело, а капли пота падали в пыль.

А Ци моргнул. Ледяное выражение лица не изменилось, но он сумел скрыть бурю, скрытую в его глазах.

— Хороший мальчик, скажи брату, откуда у тебя этот змей? Только Цзюньцзюнь умеет делать таких красивых бабочек, но с тех пор, как он... я больше их не видел... Брату просто нужно знать, вернулась ли к нему хоть немного память о прошлом...

А Ци замолчал, и в его глазах мелькнула печаль, но черноту, скрытую в самой глубине этой печали, ребенку было не дано разглядеть. Он наклонился и, бережно, словно драгоценность, поднял змея из грязи.

Заметив, что Эр Хуцзы всё еще напуган, А Ци протянул другую руку и мягко погладил мальчика по голове:

— Брат просто слишком беспокоится, я не хотел тебя напугать.

Эр Хуцзы с сомнением посмотрел на А Ци и, услышав его ласковый голос, немного успокоился. Робко пробормотал:

— Я... я обещал брату Цзюньцзюню хранить секрет...

Тонкие губы А Ци изогнулись в изысканной, пленительной улыбке, от которой у стоявших перед ним детей закружилась голова:

— Глупый малыш, ведь я единственный родной человек для Цзюньцзюня...

А Ци вздохнул, и его прекрасное, утонченное лицо заставило сердце Эр Хуцзы забиться чаще, а его маленькие щеки густо покраснели.

<http://bllate.org/book/21941/2279434>